Elena Tartakovsky
Tel Aviv University, Izrael

К 110-ЛЕТИЮ ГАБИМЫ: ДО-МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД

В прошлом году Израильский национальный театр Габима отмечал своё столетие. Нынешнее руководство Габимы ведет отсчет существования театра с 8 октября 1918 года – дня премьеры спектакля „Вечер начинаний" в постановке Евгения Вахтангова. Это был первый спектакль Московской драматической Библейской студии Габима.

Но на самом деле идея основания театра, который будет называться Габима, давать представления на древнееврейском языке – иврите, и конечной целью которого станет Земля Израиля, – возникла гораздо раньше. Она зародилась в самом начале 20 века в Белостоке, у Наума Цемаха – учителя иврита, никакого отношения не имеющего к театру. И первый спектакль коллектива под руководством Цемаха и под названием Габима тоже состоялся в Белостоке, в 1909 году.

В данной статье я хочу остановиться на малоизученном периоде в истории Габимы, предшествовавшем хорошо известному московскому десятилетию (1916–1926)[1]. По своим художественным достижениям этот период не идет ни в какое сравнение с московским. Но ведь и в пост-московский период Габима никогда больше не поднималась до уровня „Гадиббука", „Вечного жида" и других спектаклей, поставленных в Москве, но это не мешает нам включать все эти годы в историю театра. Поэтому справедливо было бы включить в историю Габимы и ее до-московский период, а именно: период становления Габимы в Белостоке и других городах черты оседлости.

---

[1] О московском периоде Габимы см.: Emanuel Levy, *The Habima – Israel's National Theatre. 1917–1977.* New York: Columbia University Press, 1979. Владислав Иванов, *Русские сезоны театра «Габима»*. М., 1999; Елена Тартаковская, *Габима: Русское наследие*. Тель-Авив, 2013.

Наум Лазаревич Цемах[2] родился в 1887 году в местечке Рогозница, недалеко от Волковыска. Он был старшим сыном в большой многодетной семье. После смерти отца он взял на себя заботу обо всех младших братьях и сестрах и обеспечивал их, пока они все не встали на ноги.[3]

В 1908 году он перевез семью в Белосток, для того чтобы дать хорошее образование младшим братьям и сестрам. По воспоминаниям сестры Наума, Шифры Цемах, Белосток того времени был крупным еврейским городом с очень интенсивной культурной жизнью. Молодежь была увлечена идеями сионизма и социализма, по вечерам еврейские юноши и девушки собирались в кружках по интересам, например, Общество любителей языка иврит – „Хуг ховавей сфат эвер" [" חוג חובבי שפת עבר"] под руководством доктора Шмуэля Молирева; драмкружок на идише под руководством бундиста Песаха Каплана, любительский еврейский хор.[4]

Цемах зарабатывал на жизнь себе и семье тем, что преподавал иврит в гимназии и давал частные уроки. Помимо работы и забот о семье, у него хватало времени вести активную сионистскую деятельность и мечтать о театре. Эти мечты возникли у него, когда он еще учился в ешиве: он мечтал создать театр на иврите, конечной целью которого станет Эрец Исраэль, а именно гора Скопус в Иерусалиме. И уже в то время он придумал этому театру название – Хабима, по-русски Габима. Это название он взял из синагоги: там ха-бима – это возвышение, с которого читают недельную главу Торы[5].

Как сионист Наум Цемах посещал собрания Общества любителей языка иврит, но, несмотря на огромную тягу к сцене, отказывался участвовать в идишском драмкружке, так как видел себя только на ивритской сцене, которую ему же и предстояло создать в недалеком будущем.[6]

---

[2] Подробнее о биографии и деятельности Наума Цемаха см.: Ури Хаклаи, *Деятельность Наума Цемаха на фоне возрождения еврейской культуры в России*. Неопубликованная докторская диссертация. Иерусалим, 1974; Елена Тартаковская, Наум Давид Цемах (1887–1939): Восхождение и падение основателя ивритского театра // Гад Кенар-Киссинджер и др. (ред.), Габима: Новые исследования о национальном театре. Тель-Авив, 2017, сс. 33-56.

[3] Вениамин Цемах, Что написано пером // Ицхак Норман (ред.), *Начало Габимы: Основатель Габимы Наум Цемах в мечтаниях и в действии*. Иерусалим: «Ха-сифрия ха-ционит», 1966 (на иврите), с. 84. Здесь и далее – перевод с иврита на русский язык автора статьи.

[4] Шифра Баракас, Начало его пути // Норман, с. 217.

[5] См.: Матья Кам, В синагоге // Виртуальная библиотека Центра образовательной технологии, http://lib.cet.ac.il/pages/item.asp?item=3313.

[6] Наум Цемах, Последние страницы // Норман, с. 205.

На одном из вечеров „Общества любителей языка иврит" Цемах прочел стихотворение Авраама Ройзена в переводе на иврит. По свидетельству всё той же Шифры Цемах:

> Наум читал голосом, который я много раз слышала прежде, но на этот раз голос звенел и звучал по-новому, в нем сочетались огромная жизненная сила и грусть. На слушателей его чтение произвело огромное впечатление.[7]

По воспоминаниям Шифры, этот успех пробудил заново давнюю мечту Наума об ивритском театре и придало ему уверенности в том, что отсутствие профессиональных знаний не помешает ему осуществить замысел. И именно после этого вечера Наум стал говорить о своей мечте вслух при каждом подходящем случае. В „Последних страницах", продиктованных Наумом брату Вениамину перед смертью, он тоже вспоминает этот вечер и то, что руководитель кружка доктор Моливер так расчувствовался, что пригласил его к себе и предложил подготовить целое представление на языке Торы. Моливер считал, что такое представление сможет пробудить общество и влить новую кровь в его жилы.[8]

Наум с радостью согласился и стал работать над представлением. По воспоминаниям сестры, между чтением стихов и первым представлением на иврите, состоялся еще один небольшой театральный опыт. В одном из крупнейших залов торжеств Белостока состоялся бал-маскарад, и Цемаху было поручено подготовить костюмированную группу „Странствующая троица", состоящую из пары стариков, только что вернувшихся из Святой земли, и их сопровождающего.

Роль сопровождающего Наум взял на себя, а роли „стариков" поручил 8-летней сестре Шифре и 6-летнему брату Вениамину. Группа должна была ходить между участниками маскарада, рассказывать о Святой земле и призывать всех вернуться в Землю обетованную, чтобы построить Третий храм. Брат и сестра свободно владели ивритом, и им было позволено импровизировать. Публике очень понравились маленькие „старички", но к концу мероприятия маска на лице Вениамина рассыпалась и „Троица" не получила желанного приза. Впрочем, это не остановило Наума, который приступил между тем к подготовке целого спектакля на языке иврит.[9]

Для участия в первом спектакле он привлек своих младших братьев и сестер, а также учеников, то есть детей и подростков, которые были, как и он, абсолютно неопытными в сценической деятельности. С ними

---

7 Шифра Баракас, с. 217.
8 Наум Цемах, Последние страницы, с. 205.
9 Шифра Баракас, с. 218.

он поставил пьесу „Мораль дурной молодежи” ("מוסר נער רע") по пьесе Мольера „Школа мужей”. В спектакле „Мораль для дурной молодежи” участвовали: уже знакомые нам Шифра и Вениамин, а также: Шалом Шварц, Ицхак Камин, Рахель Горностайская и еще одна актриса, которую Шифра Баракас-Цемах называет Хаей Гайц, а Ицхак Камин – Рахелью Гайль.[10] Несмотря на отсутствие театрального опыта и образования, Наум придумывал мизансцены, помогал своим „актерам” понять содержание ролей и смысл текста и объяснял значение каждого движения. Актеры учили текст наизусть, так как было решено играть без суфлера (само по себе новшество для театра тех лет). Перед премьерой все-таки было решено обратиться за помощью к „профессионалу”. Им стал Авраам Шнейдер – кожевник по профессии и актер-любитель. По свидетельству самого Цемаха, помощь Шнейдера, в основном, заключалась в гримировании актеров.[11]

29 июля 1909 года в летнем театре Люкс состоялась премьера спектакля „Мораль дурной молодежи”. Несмотря на то, что далеко не все зрители знали иврит, спектакль произвел сильнейшее впечатление. Зал был полон и успех был настолько очевидным, что в конце все зрители сканировали: „Да здравствует Цемах! Да здравствует Габима в Иерусалиме!” После спектакля выступил Шмуэль Моливер и сказал, что с сегодняшнего дня можно отсчитывать историю нового еврейского театра – театра на иврите Габима. Сам Цемах тоже выступил и сказал: „Сегодня я бросил в почву зерно и надеюсь, что оно прорастет. Моя цель – Габима в Земле Израиля”[12]. Судя по этим выступлениям, эту дату вполне можно считать датой рождения театра Габима.

Вследствие успеха первого представления, Цемаха попросили повторить спектакль еще раз, через неделю. Зал был опять полон, и успех опять был несомненным. Но, несмотря на это, Цемах был очень недоволен собой и спектаклем. Он чувствовал, что театр его мечты находится в гораздо более высоких сферах. Начиная с этого времени, он уже не просто мечтает, а начинает предпринимать реальные попытки осуществить свою мечту.

Так как Цемах был не доволен любительским уровнем своей первой постановки, для работы над следующим спектаклем он привлекает Песаха Каплана – руководителя того самого драмкружка на идише. Каплан был бундовцем и антисионистом, но Цемаху удалось увлечь его своей идеей. Песах Каплан помог не только в постановке, но и в

---

[10] См.: Воспоминания неизвестного автора, машинописный документ на иврите // *Архив Израильского национального театра Габима*, папка Иеошуа Бертонова.

[11] См.: Наум Цемах, Последние страницы, сс. 205-206; Шифра Баракас, с. 218; Ицхак Камин, Как это было // Норман, с. 226.

[12] Ицхак Камин, с. 226; Воспоминания неизвестного автора, папка Бертонова.

переводе на иврит пьес „Шма Исраэль!” (Слушай, Израиль!) Осипа Дымова и „Мазалтов” Шолом Алейхема.[13]

Актерский состав труппы тоже изменился. Во-первых, это были уже взрослые люди, а не дети, во-вторых, у большинства актеров уже был какой-то сценический опыт, хотя бы любительский (участники труппы – г-жа Сиркина, Гринхойз, Гроховский, Пайлет [פיילט], Глоговский, Шварц и Камин)[14]. Ицхак Камин вспоминал:

> Цемах приглашал всех юношей и девушек, в сердце которых горела искра ивритского искусства. Кроме любителей, присоединился некий Ницберг, который только что вернулся в Белосток после окончания драматической школы в Киеве.[15]

Вскоре был создан Передвижной театр Габима, который базировался в Белостоке, но разъезжал по всей Черте оседлости: Шнипишук (предместье Вильны), Вильна, Ковно, и др.

Спектакль „Слушай, Израиль!” был уже почти готов и Цемах собирался показать его в Белостоке, но в это время вышел запрет на публичные представления на идише и иврите в городе[16]. Поэтому премьера состоялась 26 мая 1912 г. в Вильно, в зале филармонии.

> Зал был полон… Пришли учителя, писатели, студенты, семинаристы. Со всех сторон слышался иврит. На этот раз успех превзошел все ожидания.[17]

Позже удалось преодолеть запрет, и спектакль был показан в Белостоке. Успех, опять-таки, был огромным, театр приглашали во многие города. Шифра Цемах:

> В 1912 г. труппа вернулась в Белосток, после очень успешных выступлений. Но и теперь успех не ослепил Наума. Он чувствовал, что у труппы есть слабые стороны во всех аспектах. Он ужасно страдал и мучился своим несовершенством, ведь сцена была для него жизненной необходимостью, а целью своей жизни он считал создание театра на иврите.[18]

---

13 Там же.
14 Воспоминания неизвестного автора, папка Бертонова.
15 Ицхак Камин, с. 226.
16 См.: Ossip Dymow, The Habimah National Theatre // I. Shmulewitz (ed.), *The Bialystoker Memorial Book*, NY: Bialystoker Center, 1982, p. 26.
17 Воспоминания неизвестного автора, папка Бертонова.
18 Шифра Баракас, с. 219.

Успех у публики и положительные рецензии – всё это можно было считать признаками успеха, но Цемах по-прежнему был недоволен. Он планирует поехать в Париж, чтобы получить лучшее по тем временам театральное образование:

> Конечно, Белосток – это моя алма-матер, но актер или режиссер не может черпать вдохновение и развиваться в обывательском окружении, где всё ограничено. И стало мне ясно, что продолжать работу в Белостоке, или даже в Варшаве, это пустая трата времени и энергии. Хотя и в Белостоке, и в Вильне публика принимала с восторгом. Само название театра – „Габима" – вызывало восхищение и уважение. Но я знал, что мы далеки от достойного художественного уровня.[19]

Цемах не был удовлетворен. Он мечтал о более дерзновенном и более изысканном театре. На следующем этапе построения театра своей мечты он решает обратиться к настоящему профессионалу – Иеошуа Бертонову, который в тот период гастролировал в Белостоке.[20] Бертонов был профессиональным актером и режиссером и играл во многих идишских и русских труппах. В 1912 г. Бертонов играл в труппе Орленева. После спектакля „Преступление и наказание", в котором Бертонов играл Порфирия, к нему за кулисы пришел Цемах и предложил стать художественным руководителем театра Габима.[21]

Следующий спектакль – „Вечный странник" Осипа Дымова – это уже крепкий профессиональный спектакль, на который несколько серьезных критиков написали положительные рецензии. В этом спектакле были заняты, в основном, профессиональные или полупрофессиональные актеры. В период Бертонова труппа театра пополнилась новыми именами: „Шошана (жена Цви Гиршкана [הירשקן]), Бен-Ами, Шломо Кан, Грандовская, Роза Бройда [ברוידע] – дочь раввина из городка неподалеку от Белостока, во время пребвания в Вене вышла замуж за известного еврейского писателя."[22]

Всё это позволяет нам сделать вывод, что в этот период Габима уже была крепким профессиональным театром, правда, всё еще провинциальным. Спектакль „Вечный странник" Цемах решил показать на Сионистском конгрессе в Вене, в надежде получить идеологическую поддержку, а может быть, даже субсидию для театра. Режиссер спектакля Иеошуа Бертонов так вспоминал об этой поездке:

---

19 Наум Цемах, Последние страницы, с. 206.

20 Ицхак Камин, с. 229-230.

21 Е. Бертонов, Мечты и действительность // *Возрождение*, 1, 14 марта 1914 г. Архив Габимы, папка Бертонова.

22 Воспоминания неизвестного автора, папка Бертонова.

> …За полчаса до поднятия занавеса мы не знали, будем ли мы играть: столько всяких сюрпризов было; не хватало костюмов, париков: вместо русской поддевки нам принесли женскую кофту, а старику Берману, старому еврею, принесли парик короля Лира. …Но все достали… и спектакль пошел… Это было 19 августа 1913 года в Вене в театре „Die Neue Wiener Buhne" – счастливейший день в моей жизни.[23]

Но никто из влиятельных сионистских лидеров на спектакль не пришел, поэтому Цемах воспринял эту поездку как поражение. Параллельно с Габимой, в конгрессе участвовала труппа еврейского актера Юлиуса Адлера со спектаклем „Уриэль Акоста". По мнению Камина, именно эта конкуренция послужила причиной того, что сионистские лидеры не обратили внимания на Габиму. Цемах долго мучился, размышляя о причине провала. „В его сердце поселился червь сомнения".[24]

Следующая премьера – „Мазалтов" Ш. Алейхема. Премьера состоялась в Варшаве – на открытии Дома Любителей ивритской словесности [חובבי שפת עבר] в Варшаве. Это помещение должно было стать постоянным домом Габимы.[25]

После успешной премьеры Габиму пригласили на большие гастроли по крупнейшим городам черты оседлости, которые должны были завершиться в столице Российской империи Санкт-Петербурге. Но перед самой поездкой Цемах тяжело заболел и вернулся в Белосток, а руководство театром приняли Шимон Цемах и Иеошуа Бертонов.

В отсутствие Цемаха дух актеров упал, стала расшатываться дисциплина. Менахема Гнесина, который присоединился к труппе в 1913 году, отправили в Белосток, спросить Цемаха, что же будет с Габимой. В тот же вечер пришла телеграмма из Белостока, за подписью Н. Цемаха: "Человек умирает! Габима живёт!" (в документе – по-русски ивритскими буквами. Е. Т.). Гнесин вернулся и рассказал, что состояние Цемаха безнадежное, но все равно он постоянно говорит о Габиме и просит продолжить его дело, если он умрет. Вдохновленные этим рассказом, актеры сыграли первый гастрольный спектакль в Варшаве очень успешно. Сразу после этого труппа отправилась в Минск. После Минска – Бобруйск, Вильно, Сморгонь и Лида. В Лиде, несмотря на большой успех, труппа начала разваливаться, из-за отсутствия твердой руки Цемаха и из-за финансовых трудностей. Тем временем Россия вступила в Первую мировую войну. Поэтому после выступления в Лиде актеры

---

23 Е. Бертонов, Мечты и действительность.
24 Ицхак Камин, с. 230.
25 Е. Бертонов, Мечты и действительность.

разъехались, и гастроли прекратились.[26] Так завершился белостокский период истории Габимы.

Не прошло и двух лет, и Цемах предпринимает новую попытку создать театр на иврите под названием Габима, на этот раз в Москве, которая в первой четверти 20 века являлась авангардом европейского театра.

Для понимания характера Цемаха очень важно, как и когда он приезжает в Москву. Это происходит осенью 1916, а не весной 1917, как, к сожалению, указывается в очень многих источниках, как на русском языке, так и на иврите. Разница всего в полгода, но какие! За эти полгода царь Николай II отрекся от престола, произошла Февральская революция и была отменена черта оседлости. Цемах же приезжает в Москву до всех этих событий – в 1916, в самый разгар войны, в период царского правления и запрета для евреев проживать в больших городах без особого разрешения. Он приезжает с временным разрешением, как купец, обращается к главному раввину Москвы Якову Мазе, и уже 14 октября 1916 года в городской управе Москвы регистрируется Еврейское драматическое общество Габима. Как он собирался искать актеров для театра на иврите в городе, еврейское население которого в 1912 году составляло около 15 тысяч человек (меньше 1%), а приезд потенциальных актеров из других городов был весьма проблематичным? И какой он видел публику такого театра, если в том же довоенном 1912 44, 6 процентов московских евреев считали родным языком идиш, а для 55,4 % родным был русский?[27]

Когда я думаю об этом и пытаюсь взглянуть на ситуацию его глазами, я понимаю, что такой человек, как Цемах, ясно осознающий свою историческую миссию, наверняка был убежден, что русские революции свершились именно для того, чтобы он смог осуществить свою мечту.

10 лет в Москве стали наиболее интенсивным, плодотворным и счастливым периодом в жизни Цемаха, в истории Габимы и, возможно, во всей истории театра на иврите. Именно в течение этого периода мечта Цемаха приобрела черты реальности и Габима стала театром, чьи спектакли вошли в историю мирового театра 20 века.

Поэтому вполне естественно, что московский период Габимы затмил предыдущие. Однако с исторической точки зрения, московское десятилетие – это логическая ступенька в становлении Габимы, которое началось в Белостоке на несколько лет раньше.

---

[26] Е. Бертонов, Мечты и действительность; Воспоминания неизвестного автора, папка Бертонова.

[27] См.: http://centralsynagogue.ru/o-nas/nashe-soobshhestvestvo/; http://eleven.co.il/jews-of-russia-and-ussr/general-information/15443/.

Нетрудно заметить, что начиная с детского спектакля 1909 года, каждая попытка Цемаха сопровождалась успехом, но ни одна не удовлетворяла его высоких требований к себе и к своему театру и вынуждала его поднять планку: от детского театра к взрослому, от любительского – к профессиональному, от провинциального – к столичному, от успеха в России – к мировому успеху. Именно бескомпромиссность Цемаха стала залогом осуществления его мечты. Не случайно вскоре после раскола с ним Габима вступила на путь компромиссов и началось постепенное возвращение театра на провинциальные рельсы.[28]

В надиктованных брату Вениамину „Последних страницах", подводя итог своей жизни, Наум Цемах вновь обращается к белостокскому периоду и называет его „первым звено долгой цепи": „…я знал, что мы далеки от достойного художественного уровня. С другой стороны, тяжело… совершить огромный прыжок с одной попытки"[29].

Значимость белостокского периода, таким образом, в том, что это было начало, разбег перед огромным прыжком, время, в течение которого у Цемаха вызревало понимание, какой театр он хочет создать. Театры рождаются по-разному. Если бы не было Общества искусства и литературы то не было бы и того Станиславского, который создал МХТ и Систему. Если бы не было херсонских постановок Мейерхольда, то не возник бы великий режиссер Мейерхольд. И если бы не было передвижного театра Габима, то не возникла бы и московская библейская студия, а в дальнейшем – Национальный театр Израиля с таким же именем.

Bibliografia

- Emanuel Levy, *The Habima – Israel's National Theatre. 1917–1977.* New York: Columbia University Press, 1979.
- Владислав Иванов, *Русские сезоны театра «Габима»*. М., 1999.
- Елена Тартаковская, *Габима: Русское наследие*. Тель-Авив, 2013.
- Ossip Dymow, The Habimah National Theatre // I. Shmulewitz (ed.), *The Bialystoker Memorial Book*, NY: Bialystoker Center, 1982.
- Ури Хаклаи, *Деятельность Наума Цемаха на фоне возрождения еврейской культуры в России*. Неопубликованная докторская диссертация. Иерусалим, 1974.

[28] Подробнее об этом см.: Елена Тартаковская, Искусство и идеология: Театр "Габима" в 1930-х годах // *Лехаим*. 2008. № 1 (189).

[29] Наум Цемах, Последние страницы, сс. 206-207.

Elena Tartakovsky
Tel Aviv University, Israel

ON THE 110TH ANNIVERSARY OF HABIMA: PRE-MOSCOW PERIOD

Summary

The article deals with the less studied period of the Israeli National Theater Habima history from 1909 to 1914. The current management of the theater counts its existence since October 8, 1918 – the opening night of the play *Evening of the Beginning*, the first performance of the theater Habima in Moscow, staged by Yevgeny Vakhtangov. However, the first performance of the theater troupe founded by Nahum Zemach and named Habima took place in 1909 in Bialystok, and after that the troupe performed in the Pale of Settlement (Vilna, Kovno, Warsaw) for several more years, up to the beginning of the First World War. Despite the fact that this period cannot be compared to Moscow one in terms of artistic level, the principles and foundations of the future Israeli National Theater were laid precisely in those years.

Keywords: Habima, Nahum Zemach, Hebrew theater, Jewish Bialystok